

ИЗ ЗАБЫТОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА МАЯКОВСКОГО

Литературное наследство Маяковского до сих пор остается несобранным во всем своем объеме. Десятитомное собрание его сочинений, начатое еще им самим, ни в какой мере не является полным. Сюда не вошел, прежде всего, целый ряд его вполне законченных, но совершенно забытых произведений, разбросанных на страницах различных периодических изданий как дореволюционного периода, так и послереволюционного.

Было бы ошибочно, правда, думать, что все эти произведения могут дать что-либо существенно новое для уяснения поэтического облика Маяковского. Однако, большинство их, даже те, которые повторяют темы стихотворений, включенных в десяти томное собрание, представляют довольно значительную ценность. Все они очень хорошо иллюстрируют сложность и противоречивость творческого пути Маяковского, постепенно изживающего футуристическо-лефовские традиции прошлого. Для критика-литературоведа, изучающего творчество Маяковского, под углом зрения марксизма-ленинизма, исследующего диалектический процесс развития творчества Маяковского, важно учесть не только достижения поэта, но и имевшиеся у него срывы.

Собрать воедино все забытые произведения Маяковского — одна из ближайших задач нашей историко-литературной науки.

Вторая задача — собрать имеющиеся варианты и разночтения, опущенные позднее строфы и т. д. Изучение текстовой истории произведений Маяковского опять-таки дает весьма любопытный материал, помогающий раскрытию творческой лаборатории Маяковского и его творческого метода.

Помочь реализации обеих этих задач — такова установка печатаемых ниже обзоров.

I. МАЯКОВСКИЙ В «НОВОМ САТИРИКОНЕ»

Сотрудничество Владимира Маяковского в журнале «Новый Сатирикон» (1915 — 1917 гг.) — факт общеизвестный, но до сих пор совершенно не исследованный.

В своей полупародийной автобиографии («Я сам») Маяковский посвящает этому событию одну строку:

«В рассуждении» чего б покушать» стал писать в «Новом Сатириконе».

Между тем выбор им этого журнала из массы издававшихся в то время не случаен, так же, как не случайно и принятие его редакцией в число постоянных сотрудников.

Работа Маяковского в «Новом Сатириконе» не только открыла ему путь к более широкой аудитории, но и во многом предопределила процесс его дальнейшего литературного развития.

Маяковский подчеркивает в автобиографии, что символистская культура стиха была ему совершенно чужда. Между тем еще в свой долитературный период Маяковский был внимательным читателем стихотворений в сатирических журналах. Он воспитывался на культуре неканонизованных, но распространенных и социально-действенных жанров.

Журнал «Новый Сатирикон» был основан в середине 1913 г., когда группа его сотрудников во главе с редактором А. Т. Аверченко вышла из состава редакции журнала «Сатирикон», издававшегося М. Г. Корифельдом с 1908 г. После ухода наиболее талантливых сотрудников «Сатирикон» захирел и прекратил свое существование в 1914 г. на № 16.

«Новый Сатирикон» издавался в продолжение пяти лет (в 1918 г. вышли № 1—18).

«Сатирикон» был органом умеренно-либеральной сатиры. Общественная направленность его была очень ослабленной по сравнению с журналами эпохи первой революции. Преобладали в нем жанры бытовой сатиры и развлекательной юмористики, нередко с бульварно-эротическим оттенком.

В отличие от старого «Сатирикона» «Новый» был более заострен публицистически и подвергался цензурным преследованиям особенно в годы империалистической войны.

Из многочисленных стихотворцев «Сатирикона» следует отметить Сашу Черного, Петра Потемкина и Валентина Горянского.

В числе постоянных сотрудников «Сатирикона» кроме того мы встречаем С. Городецкого (Сатир), В. Воинова, А. Радакова, А. Рославлева и др. Позже к ним присоединились Н. Агнивцев, Евгений Венский, В. Князев и др. Из представителей «высокой» поэзии в «Сатириконе» эпизодически печатались О. Мандельштам, М. Кузьмин, Н. Гумилев, А. Блок, В. Пяст.

Маяковский впервые выступил в № 9 «Нового Сатирикона» (26 февраля 1915 г.) со стихотворением «Судья».

С этого времени началось его постоянное сотрудничество в журнале.

Приводим полный список стихотворений Маяковского, напечатанных в «Новом Сатириконе» в течение 1915—1917 гг.

Эти стихотворения перепечатаны в позднейших книгах Маяковского: часть в книге «Простое, как мычание» (П. 1916), а часть только в книге «Все сочиненное Маяковским» (П. 1920).

В журнале пять стихотворений были иллюстрированы рисунками А. Радакова («Судья», «Ученый», «Гимн здоровью», «Гимн взятке», «Лучше не называть») и одно стихотворение («Гимн обеду») рисунком Ре-Ми.

1. Судья	1915, № 9 ¹	14. Чудовищные похороны .	1915, № 36
2. Ученый	" № 12 ¹	15. Мое к этому отношение .	" № 38
3. Военно-морская любовь .	" № 25	16. Эй!	1916, № 8
4. Гимн здоровью	" № 27	17. Издевательства. Цикл, из	
5. Гимн критику	" № 28	пяти. I. Не говорите глу-	
6. Гимн обеду	" № 29	постей	" № 45
7. Теплое слово кое-каким		18. Лучше не называть . .	" № 46
поркам	" № 30	19. Дешевая распродажа .	" № 48
8. Вот так я сделался соба-		20. Мрак	" № 49
кой (Нам. Вам. Им) . .	" № 31	21. Лунная ночь (пейзаж) .	" № 49
9. Кое-что по поводу дири-		22. Следующий день . . .	" № 50
жера	" № 32	23. В. Я. Брюсову на память	" № 51
10. Пустяк у Оки	" № 33	24. Хвои	" № 52
11. Великолепные нелепости.	" № 34	25. Братья писатели . . .	1917, № 3
12. Гимн взятке	" № 35	26. Восстанавливаю (Отрывок	
13. Внимательное отношение		из «Облако в штанах») .	" № 11
к взяточникам	" № 35		

Но два небольших стихотворения «Лунная ночь» и «В. Я. Брюсову на память» остались неперепечатанными и потому неизвестными.

Первое из них было напечатано в № 49, вышедшем 1 декабря 1916 г. за полной подписью В. Маяковского:

ЛУННАЯ НОЧЬ

(Пейзаж)

Будет луна
Есть уже;
Немножко.
А вот и полная повисла в воздухе.
Это бог, должно быть,
дивной
серебряной ложкой
роется в звездах ухе.

В. В. МАЯКОВСКИЙ

Рисунок Н. И. Кульбина (1913 г.)

Второе, появившееся в № 51 (15 декабря 1916 г.), было подписано одним инициалом: М.

В. Я. БРЮСОВУ НА ПАМЯТЬ

«Брюсов выпустил окончание поэмы Пушкина «Египетские ночи». Альманах «Стремнины».

Разбоя след затерян прочно
во тьме египетских ночей.
Проверив рукопись
построчно,
гроши отсыпал казначей.
Бояться нам рожна какого?
Что
против — Пушкину иметь?
Его кулак
навек закован
в «спокойную к обиде медь!

Сравнительный анализ текстов стихотворений, перепечатанных в сборниках «Простое, как мычание» и «Все сочиненное Маяковским», показывает, что Маяковский в общем придерживался первопечатной редакции.

Обычно во второй редакции изменяется только пунктуация и (значительно реже) разбивка на отдельные строки. Следует помнить, что с одной стороны в первопечатных редакциях пунктуация произвольно выправлялась и изменялась корректорами, а с другой стороны — что Маяковский членил свой стих не по грамматическим разделам,

а по ритмико-интонационным отрезкам («...у меня ненависть к точкам. К запятым тоже»).

Кроме того в сборнике «Все сочиненное Маяковским» вообще много опечаток и пунктуацию текста в нем нельзя считать каноничной.

Любопытны только некоторые мелкие разночтения, повторенные в последующих переизданиях и могущие быть осмысленными как стилистические исправления.

Таковы, например, разночтения в тексте «Братья писатели» (налево — текст из «Нового Сатирикона»):

Сидите!
Глазенки в чай канув!

Сидите,
Глазенки в чайшко канув.

Несомненным стилистическим усилением является «уничжительная» форма «чайшко», введенная во второй редакции.

Единственный пример сложной переделки представляет собой стихотворение «Не говорите глупостей», названное во второй редакции «Никчемное самоутешение».

Переделки в нем объясняются тем, что оно было напечатано в «Новом Сатириконе» как первое стихотворение особого цикла, задуманного Маяковским по образцу циклов других сатириконских авторов (Горянского, Петемкина).

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

(Цикл из пяти)

Павлиньим хвостом распушу фантазию в пестром цикле,
душу во власть отдам рифм неожиданных рою.
Хочется вновь услышать, как с газетных столбцов зацывали
те,
кто у дуба, кормящего их,
корни рылами роют.

Так как цикл по неизвестным нам причинам не был осуществлен, то это вступление, пародирующее торжественный стих Илиады полемическими выпадами и басенными реминисценциями, не было перепечатано ни в одном из позднейших сборников Маяковского.

Приводим для сравнения первоначальный текст стихотворения «Не говорите глупостей» с его позднейшей редакцией:

НЕ ГОВОРИТЕ ГЛУПОСТЕЙ

Мало извозчиков?!
Тешьтесь ложью!
Видана-ль шутка площе чья?
Улицу врасплох огляните,
из рож ее
чья не извозчичья?
Поэт ли поет о себе и о розе,
девушка ль в локон выплетет ухо;
вижу тебя сошедшего с козел,
король тракторов,
ерник и ухахь.
Если скажут мне:
«Помните,
Сидоров
помер».
Не забуду, удивленный, глазом смерить их...
О, кому охота помнить номер
нанятого тащиться от рождения к смерти.

НИКЧЕМНОЕ САМОУТЕШЕНИЕ

Мало извозчиков?
Тешьтесь ложью.
Видана-ль шутка площе чья!
Улицу врасплох огляните
из рож ее
чья не извозчичья.
Поэт ли
поет о себе и о розе.
девушка ль
в локон выплетет ухо.
вижу тебя
сошедший с козел
король тракторов
ерник и ухахь.
Если говорят мне
—Помните
Сидоров
помер —

Все равно мне,
 что они лошадей не поят,
 что утром не начищают дуг они;
 с улиц
 с бесконечных козел
 тупое лицо их
 открытое лишь мордобою и ругани.
 Орет орава!
 Толстая,
 на вате,
 красная
 — клюквы возгвезда.
 Некоторые без лошадей еще,
 и разве хватит
 лошадей на стольких извозчиков.
 Дети!
 Только вы еще остались.
 Ничего.
 Подрастаете.
 Скоро
 в жиденьком кулаченке зажмите кнутовище
 отборной руганью потрясая город.
 Хожу меж извозчиков,
 шляпу на-нос надвинув,
 иду
 торжественней, чем строчка Державинских
 од.
 День еще,—
 и один останусь
 я,
 медлительный и мечтательный пешеход.

не забуду
 удивленный
 глазами смерть их.
 О, кому же схота
 помнить номер
 нанятого тащиться от рождения к смерти?!
 Все равно мне
 что они коней не поят
 что утром не начищают дуг они;
 с улиц
 с бесконечных козел
 тупое
 лицо их
 открытое лишь мордобою и ругани.
 Дети
 вы еще
 остались.
 Ничего.
 Подрастете.
 Скоро
 в жиденьком кулаченке зажмите кнутови-
 ще
 матерной руганью потрясая город.
 Хожу меж извозчиков.
 Шляпу на нос.
 Торжественней чем строчка Державинских
 од.
 День еще
 и один останусь
 я
 медлительный и вдумчивый пешеход.

Разбивка строчек во второй редакции закрепляет индивидуальную систему читки Маяковского, дробившего стих на отдельные интонационно-весомые куски. Переделки текста, помимо общей стилистической правки, можно разбить на две основные категории: приближение синтаксиса к лаконичным разговорным оборотам («шляпу на нос») и смысловое заострение эпитетов («матерной руганью»).

В результате переделки в стихотворении выпала целая строфа, начинающаяся со слов «Орет орава!»

Последним выступлением Маяковского в «Новом Сатириконе» было напечатание вскоре после Февральской революции отрывка из поэмы «Облако в штанах». Тексту было предпослано краткое предисловие, озаглавленное «Восстанавливаю».

«Моя книга «Облако в штанах» была послана в цензуру под первоначальным названием «Тринадцатый апостол». Помещаю из этой изуродованной в первом и кастрированной во втором издании книги — 75 строк». Дальше идет текст, завершающий вторую часть поэмы и начинающийся со слов: «Я обсмеянный у сегодняшнего племени» и отрывок из третьей части — от слов «Вдруг и тучи и облачное прочее» до «на небе красный как марсельеза вздрагивал, околевая закат». Ввиду общеизвестности этих текстов мы считаем излишним приводить их. Единственное расхождение «сатириконского» текста с канонической редакцией («Все сочиненное Маяковским») заключается в перестановке трех последних строк отрывка. Первая строфа, начинающаяся со слов: «Пускай земля под ногами припомнится» в сатириконской редакции дана как третья, вторая — как первая, а третья — как вторая. Отрывок датирован: июль 1915 г.

Разночтения с канонической редакцией незначительны: «я выжиг душу где нежность расстили» (вместо, «души» во второй редакции). В смежных строфах, начинающихся со

слов «Гром из-за тучи зверя вылез» отсутствуют анафорические союзы «и» в четырех строках: «и небе лицо секунду кривилось»... «и кто-то»... «и будто по-женски»... «и нежный как будто».

Есть сведения, что еще в 1916 г. Маяковский надеялся, что его поэма «Облако в штанах» будет издана «Новым Сатириконом». К. И. Чуковский сообщает в своих воспоминаниях («Маяковский в пятнадцатом»): «Сатирикон» задыхался тогда в цензурных тисках и, конечно, не мог получить разрешения на издание революционной антирелигиозной поэмы».

Еще более любопытно указание в мемуарах Л. Ю. Брик: «Никто не хотел печатать «Облако», хотя Володя уже печатался в «Сатириконе» и «Сатирикон» даже купил у него книжку стихов».

Этот сборник не вышел в свет. В нашем распоряжении находится сберстанный первый лист этой книги. Мы приводим здесь подробное его описание.

На 1-й полосе (титulyном листе) напечатано: Маяковский. Для первого знакомства.

На 3-й полосе напечатано стихотворение «Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего», впервые опубликованное в «Первом журнале русских футуристов» (М., 1914, стр. 3). В книге оно перепечатано без всяких изменений, только в некоторых местах пунктуация изменена в сторону обделитературной нормы. Это стихотворение является как бы вводным ко всей книге.

На 5-й полосе — заголовок отдела: Кофта желтая.

На следующих полосах напечатаны стихотворения, которые мы здесь перечисляем с указанием изданий, где они были впервые опубликованы:

Нате! (пол. 7)

«Рыкающий Парнас» Спб. 1914, стр. 5

Гимн здоровью (пол. 8)

«Новый Сатирикон» 1915, № 27, стр. 8

Жирных, глухих, глупых (пол. 9)

«Трагедия Владимира Маяковского» М., 1914, стр. 9—10

Бще я (пол. 10)

«Первый журнал русских футуристов», М., 1914, стр. 67

Кое-что по поводу дирижера (пол. 11)

«Новый Сатирикон» 1915, № 32, стр. 6

Вот так я сделался собакой (пол. 12)

«Новый Сатирикон» 1915, № 31, стр. 7

Ничего не понимают (пол. 14)

«Рыкающий Парнас» Спб. 1914, стр. 6

А вы могли бы (пол. 15)

«Требник троих» М., 1913, стр. 35

Анализ текстов этих стихотворений доказывает, что они ближе к первопечатной редакции, чем к текстам, напечатанным в книге «Простое, как мычание». Разночтения очень незначительны.

Единственное исключение — стихотворение «А вы могли бы», которое только в этой неосуществленной книге получает общеизвестную редакцию (см. «Простое, как мычание», «Все сочиненное Маяковским», «Собрание сочинений Маяковского», т. I).

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

На чешуе жестяной рыбы

Я сразу смазал карту будня

Прочел я зовы вещей губ

Плеснувши краску из стакана

А вы, ноктюрн сыграть могли бы

И показал на блюде студня

На флейте водосточных труб?

Косые скулы океана.

Я стер границы в карте будня

На чешуе жестяной рыбы

Плеснувши краску из стакана

Прочел я зовы новых губ

И показал на блюде студня

А вы ноктюрн сыграть могли бы

Косые скулы океана.

На флейте водосточных труб?

Мы видим, что во второй редакции стихотворение стало значительно энергичнее и приобрело композиционную законченность. Тема «косых скул океана» теснее связалась с темами второго четверостишия и обращение «в публику», поставленное в конце стихотворения, получило большую интонационную силу.

В 13-й строке стихотворения «Нате!» следует отметить замену эпитета «Неотесанному гунну» на «грубому гунну». Новый эпитет, несомненно, более интенсивен не только в смысловом, но и в звуковом отношении.

В стихотворении «Кое-что по поводу дирижера» сохранен первоначальный текст:

Труба, изловчившись, в спокойную морду
Ударил горстью медных слез.

Только в книге «Простое, как мычание» Маяковский дает новую и окончательную редакцию: «в сытую морду».

Некоторые стихотворения переименованы; так, например, стих. «А все-таки» первоначально называлось «Еще я», а стихотворение «Ничего не понимают» — «Пробиваясь кулаками».

Стихотворение «Жирных, глухих, глупых» первоначально входило в трагедию «Владимир Маяковский», как монолог поэта, и только в сборнике было включено в цикл тематически близких к нему «эстрадных» стихотворений.

С «сатириконским» периодом работы Маяковского связана и вторая неизданная его книга «Кофта фата», сверстаный экземпляр которой хранится в настоящее время на выставке работ Маяковского в Литературном музее Публичной библиотеки им Ленина³. «Кофта фата», за исключением трех стихотворений, состоит из вещей, напечатанных в «Новом Сатириконе».

Книга разбита на два отдела «Пестрая кофта» и «Домашняя кофта», заглавия которых перекликаются с названием цикла стихов в книге «Для первого знакомства».

Вот оглавление книги:

ПЕСТРАЯ КОФТА

ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНЫ

Уличное (пол. 5)

«Садок Судей» II, М., 1913, стр 62

В авто (пол. 6)

2⁴

Пустяк у Оки (пол. 7)	«Новый Сатирикон» 1915, № 33, стр. 10
Внимательное отношение к взяточникам (пол. 8—10)	" " 1915, № 35, стр. 4
Мое к этому отношение (пол. 10—12)	" " 1915, № 38, стр. 5
Эй! (пол. 12—14)	" " 1916, № 8, стр. 5
Ученый (пол. 15—16)	" " 1915, № 12, стр. 12
Судья (пол. 17—19)	" " 1915, № 9, стр. 2 ⁵

ДОМАШНЯЯ КОФТА

Мысли в призыв (пол. 23—25)	? ⁴ ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНЫ
Хвоя (пол. 25—28)	«Новый Сатирикон» 1916, № 52, стр. 11
В. Я. Брюсову на память (пол. 28)	" " 1916, № 51, стр. 3
Братья писатели (пол. 23—31).	" " 1917, № 3, стр. 8

На последней полосе приведен перечень книг Маяковского, исчерпывающий его литературную продукцию до 1918 года.

«Я»—50 к., распр.	«Облако в штанах», II изд., без цензуры—2 р.
«Владимир Маяковский»—трагедия—1 р.	
«Облако в штанах»—1 р., распр.	«Человек вещь»—3 р.
«Флейта позвончик»—60 к., распр.	«Война и мир»—2 р. 75 к.
«Простое как мычание»—1 р. 50 к.	

Тексты ранних и сатириконских стихотворений, напечатанных в «Кофте фата», не отличаются от первопечатной редакции.

Все стихотворения Маяковского, опубликованные в «Новом (Сатириконе)» (1915—1917 гг. (за исключением перепечатанных нами выше двух мелких вещей), были собраны им впервые в книге «Все сочиненное Маяковским» (1909—1919).

Необходимо отметить, что в этой книге Маяковский приурочил начало своей литературной деятельности в 1909 г., т. е. юбилейной дате возникновения русского футуризма.

Таким образом ранние футуристические его вещи, написанные и опубликованные в 1912—14 гг., искусственно были сдвинуты на три года назад и соответственно сдвинулись даты и сатириконских его стихотворений.

В книге «Все сочиненное Маяковским» сатириконские стихи помечены 1913 и 1914 г.

В одном случае эта хронологическая перестановка потребовала даже переделки текста.

Окончание стихотворения «Лучше не называть» в «Новом Сатириконе» 1916, № 46 было напечатано в следующей редакции:

Когда все расселятся в рай и в аду,
земля итогами подведена будет —
помните:
в 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.

В книге «Все сочиненное Маяковским» 1916 год заменен 1914.

В. Тренин, Н. Харджиев

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В позднейших перепечатках Маяковский дал этим стихотворениям новые названия: «Гимн судье» и «Гимн ученому».

² «Владимир Маяковский», однодневная газета ЛОФОСП, Л. 1930.

³ Владимир Маяковский. Кофта фата. Всякая ерунда. Книжный магазин В. М. Ясного (бывший Попова), Невский, у Анничкова моста. 1918 (31 стр.).

⁴ Нам не удалось установить, когда и где были раньше напечатаны эти стихотворения.

⁵ Это стихотворение, единственное из собранных в книге «Кофта фата», было раньше перепечатано в книге «Простое, как мычание».

II. НЕСОБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО МАЯКОВСКОГО

Весь послереволюционный поэтический путь Маяковского тесно связан с нашей периодической прессой. В 1917 г. сотрудничество в газете «Новая Жизнь», в 1918—1919 гг. не только сотрудничество, но и организация футуристической печати («Газета футуристов»), активное участие в еженедельном органе Отдела изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения («Искусство коммуны»), в 1919—21 гг., — работа в Росте, 1923—25 гг. — редакторство в «Лефе», с 1923—25 гг. — широкий размах работы в толстых и тонких журналах (в «Красной Нови», «Новом Мире», «Молодой Гвардии», «Огоньке», «Прожекторе», «Экране», и пр.) и газетах (в «Правде», «Известиях», «Труде», «Рабочей Москве», «Вечерней Москве», «Заре Востока», «Бакинском рабочем» и многих других), наконец период «Комсомольской Правды» (1927—1928 гг.).

Наряду с центральными органами, в список периодических изданий, в которых сотрудничал в годы революции Маяковский, должен быть включен ряд профсоюзных журналов и газет («Гудок», «Голос текстильщика», «Ленинградский металлист» и т. д.), фабрично-заводских органов («Электрозавод»), кооперативных («Город и деревня») и ряд таких журналов, как «Радиослушатель», «Трезвость и культура», «Женский журнал», «Изобретатель», «За рулем», «Киножурнал», детские — «Пионер» и «Еж», не говоря уже о целом цикле юмористических журналов — «Бузотер», «Бегемот», «Крокодил», «Красный Перец», «Крысодав», «Бов», «Смехач», «Чудак» и т. д.

Именно газета, массовый журнал давали широкий простор творчеству поэта-газетчика. «В работе сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают — однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях», — пишет Маяковский в своей автобиографии под рубрикой 1926 г. Таким образом периодическая пресса является одним из основных источников для собирания забытого литературного наследия Маяковского.

Наша задача — дать образ (отнюдь не исчерпывающий) забытого наследия послереволюционного Маяковского, т. е. тех произведений, начиная с 1917 г., которые не вошли в десятилетнее собрание сочинений. При этом мы указываем только произведения, напечатанные в московской и ленинградской прессе. Провинциальной прессы, в которой мы находим главным образом перепечатки известных текстов Маяковского, текстов, которые он читал в массовых аудиториях во время многочисленных поездок по Советскому Союзу («Продолжаю прерванную традицию трубадуров и министров. Езжу по городам и читаю»), мы в нашем обзоре не касаемся.

Из столичной прессы мы выделяем только наиболее характерные произведения, причем исходим из сравнения с десятилетним. Некоторые произведения, не включенные в собрание сочинений, кроме периодической прессы, помещались в отдельных сборниках, изданных Маяковским еще при жизни, другие вовсе не перепечатывались, и мы в таких случаях имеем один первоначальный текст. За неимением в большинстве случаев рукописей, значение этих текстов особенно увеличивается. Некоторые стихи без всяких изменений вошли в собрание сочинений только под другим названием (см., например, «О развлечениях Европы» — «Огонек» 1924, № 8, напечатанное в т. II под заглавием «Кино-повітряне», «Комсомолец» — «Красная Нива» 1923, № 23 — в т. II под заглавием «Марш комсомольца», «Иди по республике тревожная весть: фронта нет, но опасность есть» — «Рабочая Москва» 1927, № 121 — в т. VI под заглавием «Осторожный марш» и т. д.).

Раньше чем переходить к обзору забытого наследия Маяковского, необходимо поставить вопрос — почему те или иные тексты не попали в собрание сочинений. Надо сказать, что большинство томов было подготовлено к печати самим автором. Что заставило его пропустить ряд своих произведений? Не подлежит никакому сомнению, что большая часть их не попала в собрание сочинений просто по «забычивости» Маяковского. Немудрено, что поэт, уничтожавший черновики, мог случайно, неумышленно пропустить ряд стихов, разбросанных на страницах многочисленных периодических из-

даний. С другой стороны, могли быть сознательные пропуски: в собрание сочинений не вошли стихи, имевшие чисто местное, рекламное значение (например, обращения к подписчикам журналов), стихи, которые, по мнению автора, могли рассматриваться, как утратившие свою социальную значимость, стихи художественно малоценные, слабые.

Перейдем к характеристике материала, не вошедшего в десяти томник.

В газете «Новая жизнь», где Маяковский печатает в 1917 г. отдельные главы из «Война и Мир», помещает он и свои первые произведения, написанные в промежуток между Февральской и Октябрьской революциями («Революция», «Отношение к лошадям», «К ответу»). Два первых произведения были в позднейшей печати несколько изменены. «К ответу» же («Новая жизнь» 1917, № 96, 9/22 авг.) не переиздавалось, в то время как в ряду ранних послереволюционных произведений это стихотворение занимает значительное место и в плане откликов Маяковского на империалистическую войну представляет большой интерес. В стихотворении этом, написанном незадолго до Октябрьской революции, уже нет характерных для поэмы «Война и Мир» пацифистских мотивов, протеста против бессмысленного убийства человека, против войны «вообще». В нем указываются цели империалистической войны; встает уже реальный «ответчик» за мировую бойню, «кровавую баню» — капиталистический мир; счет предъявляет не просто человечество, а «отдающий жизнь свою им» пролетариат.

К ОТВЕТУ

Гремит и гремит войны барабан.
Зовет железо в живых втыкать.
Из каждой страны
за рабом раба
бросают на сталь штыка.
За что?
Дрожит земля
голодна
раздета.
Выпарили человечество кровавой баней
только для того,
чтобы кто-то,
где-то
разжился Албанией.
Сцепилась злость человеческих свор
падает на мир за ударом удар
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
проходили чьи-то суда.
Скоро

у мира
не останется неполоманного ребра.
И душу вытащат.
И растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию.
Во имя чего
сапог
землю растаптывает скрипящ и груб?
Кто над небом боев?
Свобода.
Бог.
Рубль.
Когда же встанешь во весь свой рост,
ты,
отдающий жизнь свою им.
Когда же в лицо им бросишь вопрос
За что воюем?

Первые годы после Октябрьской революции всецело проходят для Маяковского под знаком «утверждения революционного искусства», под знаком борьбы за искусство, отданное на службу революции.

Любопытен, как иллюстрация позиций Маяковского — футуриста этих лет, не попавший в собрание сочинений материал из «Газеты футуристов», выпущенной в 1918 г. (вышел один номер) Маяковским, Бурлюком и Каменским. В написанном этими тремя авторами «Декрете о демократизации искусства», «Манифесте легучей федерации футуристов», футуристы, именующие себя «пролетариями искусства», зовут «пролетариев фабрик и земель к третьей бескровной, но жестокой революции Духа». Они призывают художников и писателей «немедля взять горшки с красками и кистями своего мастерства и иллюминировать, разрисовывать все бока, лбы и груди городов, вокзалов и вечно-бегущих стай железнодорожных вагонов».

Там же Маяковский пишет «Открытое письмо рабочим» — призыв к «здоровому, молодому, грубому» искусству футуристов, к разрушению искусства старого мира. «С удивлением смотрю как с подмостков взятых театров звучат «Аиды» и «Травиаты» со всякими испанцами и графами, как в стихах, приемлемых вами, те же розы барских оранжерей и как разбегаются глаза ваши перед картинами, изображающими великое прошлое... Знайте, нашим шеям голиафов труда нет подходящих номеров в гардеробе воротничков буржуазии. Только взрыв революции Духа очистит нас от ветоши старого искусства».

Все эти декларации — как бы теоретическая предпосылка к ряду произведений Маяковского 1918—1921 гг.: «Мистерия-буфф» (где в прологе перефразируются основные положения «Письма» и которая сама является первым «революционным действием», пришедшим на смену «ветоши старого театра», «Приказ по армии искусств», «Мы», «Поэт и рабочий», «Той стороне» и др. — все это художественное развитие и реализация тех же деклараций.

Совершенно особый интерес в художественном наследии Маяковского первых революционных лет представляют собой материалы «Росты». Часть их, то, что подготовлено было к печати самим Маяковским, опубликовано в сборнике «Грозный смех» (ГИХЛ, 1932), многое же остается еще достоянием архива. Между тем работа Маяковского в «Окнах Росты» — значительный этап в творчестве Маяковского. Именно Росток была началом пути Маяковского — газетчика и агитатора. На практической ростинской работе он столкнулся с необходимостью обрабатывать конкретные факты, переводить язык политических фактов, официальных сообщений в экспрессивно-плакатные художественные образы. Эта работа была началом его злободневно-политической сатиры, занимающей центральное место в творчестве послереволюционного Маяковского. И не случайно второй вариант «Мистерии-буфф», написанный в 1921 году, потерпел значительные изменения именно по линии большей его агитационной заостренности и конкретизации фактов.

1921 год можно считать началом широкой деятельности Маяковского, как газетчика и журналиста. На 1922—1924 гг. падает наибольшее количество затерянных в периодической прессе произведений поэта. В отборе стихов Маяковского для собрания сочинений, очевидно, играла роль нередко, как мы уже говорили, критическая переоценка написанного ранее. Однако поставить точные грани между тем, что было забыто и что отвергнуто автором, как менее удачное, на основании имеющегося материала очень трудно. Не углубляя этого вопроса, переходим к дальнейшей характеристике забытого наследства, располагая его по темам, но вместе с тем придерживаясь по мере возможности, как и раньше, хронологического принципа.

С 1921 г. Маяковский начинает сотрудничать в «Известиях», принимает деятельное участие в создании массового юмористического журнала «Бов» (боевой орган весельчаков), где для первого (и единственного) номера рисует обложку; пишет ряд стихов и, наконец, иллюстрирует «Сказку для шахтера». В ряде вновь начинающих выходить журналов Маяковский помещает также рекламные, агитирующие за подписку стихотворения, например, для «Крокодила» — «Нате — басня о Крокодиле и подписной плате» («Крокодил» 1922, № 4), для «Крысодава» — «Мы» («Крысодав» 1923, № 4- и т. д. Некоторые из этих стихотворений отнюдь не носят узко-рекламного характера. Стихотворение «Мы» является по существу одной из многочисленных сатир Маяковского, направленных против внутреннего классового врага. Призыв к борьбе с этим притаившимся врагом, «армией крысачьей» Маяковский использует для рекламной концовки, раскрывающей цели журнала.

МЫ

Днем
благодействуют дома и домишки:
ли таракана
ни мышки.

Товарищ —
на этом не успокаивайся очень —
подожди ночи.
При лампе — ничего.

А потушить ее
из-за печек,
из-под водопровода,
вылазит тараканы
всевозможного рода.
черные,
желтые,
русые,
усатые,
безусые.
Пустяк, что много.
Полезут они
и в рассыпную —
только кипятком шпарни.
Но вот (задремлете лишь)
лезет
из щелок
разная мышь.
Нам
мышь не страшна.
Пусть себе
в ожидании красной кошки

ест
понемногу
напские крошки.
Наконец,
когда все еще храпов свищет,
из нор
выползают ручные крысицы.
Сахар попался —
сахар в рот.
Хлеб по дороге —
хлебище жрет.
С этим
не будь чересчур кроткий.
Щеки выгрызут,
вопьются в глотки.
Чтоб на нас
не лезли, как на окорок висячий,
волю зубам крысячьим, дав,
для борьбы с армией крысячьей
учреждаем

Крысодав.

Довольно обширен цикл напечатанных стихотворений-откликов на Первомайскую тему. Большинство из них — это приветственные гимны коллективу, труду, борьбе, написанные в форме боевого призыва, победного марша. Вот одно из них, типичное для этого цикла — «1-ое мая» («Красная Нива» 1923 г., № 17):

ПЕРВОЕ МАЯ

Свети!
Во всю небес солнцезлазье!
Долой —
толпу облаков белоручек!
Радуйтесь звезды, на митинг вылазя.
Рассейтесь буржуями, тучные тучи!
Особенно люди.

Рабочий особенно.

Былазь!
Сюда из темн подвальной!
Что стал?
Чего глядишь исподлобленно?
Иди!

Подходи!

Вливайся!

Подваливай!

Манометры мозга!

Сегодня меряйте!

Сегодня —

считайте сердечные счетчики, —
развертывается-ль восточный ветер?!
Вбирает ли смерч рабочих точки?!
Иди, прокопченный!

Иди, просмоленный!

Иди!

Чего стоишь одинок?!

Сегодня

150 000 000 —

шагнули

300 000 000 ног

Пой!

Шагай!

Границы провалятся!

Лавой распетой

на старое ляг!

1 500 000 000 пальцев!

Крепче,

выше маковый флаг!

Пенье вспень!

Расцепи цепененье!

Смотри —

отсюда —

Видишь,

тут,

12 000 000 000 сердцебиений —

с вами,

за вас,

в любой из минут.

С нами!

Сюда!

Кругосветная масса

Эс-эс-эс-эр-ручища —

вот вам!

Вечным

единым маем размайся —

1-го Мая,

2-го

и 100-го.

В 1925 г. Маяковский пишет в «Рабочей Москве» (№ 98) другой «Май» — это новый, советский май, который дается в контрастном сопоставлении со старым первым мая.

МАЙ

Помню

старое

1-ое мая.

Крался тайком

за последние дома я.

Косил глаза:

где жандарм

где казак?

Рабочий

в кепке

в руке — перо

Сходились —

и дальше буркнув пароль.

За Сокольниками

ворами, —

шайкой,

Таились самой

глухой лужайкой.

Спешили

надежных

в дозор запречь.

Отмахивали

наскоро

негромкую речь.

Рванув

из-за пазухи

красное знамя,

шли

и горсточкой

блузы за нами.

Хрустнул

куст

под ломажьей ногою.

— В тюрьму!

Под шашки!

Сквозь свист нагаек! —

Но нас

безнадежность

не жала тоскою:

Мы знали —

за нами

мир заводской.

Мы знали —

пресует

минута эта —

Трудящихся

нищих

целого света.

И знал

знаменосец

под шашкой осев,

Что его кровь —

самый

вернейший посев

Настанет —

пришедших

не счесть поименно, —

Миллионами

красные

встанут знамена!

И выйдут

в атаку

веков и эр

Несметные силища

Эс Эс Эс Эр.

Из серии первомайских следует также отметить стихотворение «Два мая» («Вечерняя Москва» 1915, № 97), разоблачающее буржуазный мир и призывающее к борьбе с ним. Это стихотворение во многом перекликается с дореволюционным творчеством Маяковского, с «Мистерией-буфф» и «150 000 000», как по характеру разоблачения буржуазии («Их бог, как и раньше, жутен с лица»), так и по изображению утопической картины будущего.

Среди других неперизданных стихотворений заслуживает внимания написанное в форме призыва к боевой готовности стихотворение на тему обороны Союза — «Наказ» («Красный журнал для всех» 1923, № 7—8):

НАКАЗ

Хоть пока
победила
рабочая рать,
Хоть пока
на границах
мир,
Но не время
еще
в землю штык втыкать —
Красных армий
ряды
крепи.
Чтоб не смел
никогда
никакой Керзон
Брать на пушку
горланя ноты —
Даже
землю паша,
помни,
сабельный звон,
Помни
марш
атакующей роты.
Молодцом
на коня
боевого
влазь!
По земле
пехотинься пеший-
С неба
землю всю
глазами оглазь,
На железного
коршуна
севши.

Мир пока,
Но на страже
красных голов
Стой
на нашей красной вышке!
Будь смел!
Будь умен!
Будь всегда готов
Первым
ринуться
в первой вспышке.
Нынче
сына
даем
не царям на зарез.
За себя
этот боище
начат.
Провожай
рекрутов,
молодец,
Провожай
поя,
а не плача.
Чтоб буржуи
вновь
не взнуздали нас.
Крестьянин,
рабочий,
всякий,
Провожая
сынов
давайте наказ:
Будьте
верными
красной присяге.

Следующая группа забытых стихотворений 1923—24 гг. объединена темой международной политики. Сюда относятся, главным образом, произведения общедекларативного характера, как например, «Коминтерн» («Известия» 1923, № 36), о Лиге наций—«Телеграмма м-е Пуанкаре», признание Советского Союза капиталистическими странами—«Дипломатическое» («Красная Нива» 1924, № 8), «Здравствуйте» («Известия» 1924, № 32).

ЗДРАВСТВУЙТЕ

Украстье цветами!
Во флаги здания!
Снимите кепку,
картуз
и шляпу!
Британский лев
в любовном признании
Нам
протянул
когтистую лапу.

И просто знать,
и рабочая знать
Годы гадала—
«признать — не признать?»
На слом сомненья!
Раздоры на слом!
С, гляди!
Послом
О'Треди!

Но русский
в ус усмехнулся капризно:
«Чего, мол, особенного—
признан так признан!»

Мы славим
рабочей партии братию,
Но не смиренных рабочих Георга.
Крепи, РКП, рабочую партию,—
и так запризнают,
Что любо — дорого.
Ясна
для нас
дипломатия лисьины.

Чье королевство
к признанию не склонится?!
Признание это
давно подписано

Копытом
летающей
буденновской конницы.

Конечно, признание дело гуманное.
Но кто ж о признании не озаботится?

Народ
не накормишь небесною манною.

А тут
такая
на грех
безработица.

Зачем...
почему...
и как...
и кто вот...
признание
— теперь! —
— осмеет в колебаньи.

Когда такой у Советов довод,
Как зрелые хлебом страницы Кубани!
А, как известно,
в хорошем питании

Нуждаются
даже лорды Британии.
И руку пожмем,
и обнимемся с нею.

Но мы
себе
наматаем на ус
За фрактом лордов
впервые синеют

20 000 000 рабочих блуз.

Не полу-рабочему, полу-лорду
слава признания.
Возносим славу —

Красной деревне,
Красному городу
Красноармейцев железному сплаву!

К этим же годам относится ряд непечатанных впоследствии стихотворений, связанных с теми или иными вопросами быта. Тут и тема беспризорщины — стихотворение «Беспризорные» («Красный перец» 1924, № 29), заканчивающееся мечтой о будущем «рае» на земле, куда в первую очередь впустят «беспризорных всех», и тема метрополитена — стихи-частушки — «Немного утопи про то, как пойдет метрешка» («Красный перец» 1925, № 21). Среди злободневно-бытовых стихотворений обращает на себя внимание стихотворение «После изгнания» («Красный журнал для всех» 1922, № 1). Неострое по своей антирелигиозной сатире, оно типично для Маяковского по своему характеру разоблачительно-«фамильярного» разговора с богом.

К этому же периоду относится большое стихотворение «Газетный день» («Журналист» 1923, № 5). В данном случае можно предположить, что Маяковский сознательно не включил это произведение в собрание сочинений. Пред нами поверхностная сатира на журналиста-профессионала, буффонадно-сатирическое изображение дня редактора газеты, злословие по адресу начинающих писателей, вложенная в уста рабочего обывательская трактовка газетной работы.

Дальнейшие непечатанные стихи мы находим, главным образом, в 1927—29 гг. Характерно, что социально наиболее значимые произведения этих лет (например, поэтическая продукция в «Комсомольской Правде») почти целиком была учтена Маяковским при подготовке собрания сочинений. За бортом остались мелкие стихотворения, трактующие социально-политические факты действительности в узко-злободневном плане. Это агитки, несущие на себе в большинстве случаев еще заметный груз неизжитых еще левовских традиций, стихи, где огромной важности политические темы даются поверхностно, в плане лозунговых призывов. Сюда входят стихи к неделе обороны «Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела» («Рабочая Москва» 1927, № 160), агитки за займы — «Лезьте в глаза, влетайте в уши слова

этих лозунгов и частушек» («Рабочая Газета» 1927, № 58), «Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь» («Известия» 1927, № 57) и др.

К социально более действенным и значительным агиткам этих лет надо отнести агитки, посвященные всесоюзной спартакиаде (в «Вечерней Москве» 1928, № 190) — «Это те же», стихи для журнала «Изобретатель» — «Анчар» (1929, № 10); агитки за хлебозаготовки — «Даешь хлеб» («Комсомольская Правда» 1928, № 9), агитки за Автодор — «Даешь автомобиль» («Рабочая Москва» 1928, № 217) и т. д.

Особо следует отметить прозу Маяковского. Среди немногочисленной художественной прозы Маяковского большого внимания заслуживают два очерка в «Известиях» 1922 г. (№ 292 и № 294) «Парижские записки Людогуса» и «Осенний салон». В первом существо с «возвышенной» шеей, которое видит дальше всех, описывает с точки зрения попавшего после войны и революции на Запад советского человека быт и культурную жизнь Парижа. Во втором — описание одной из парижских выставок современных французских художников. Тема «изживающей себя буржуазной культуры Запада» является для обоих очерков ведущей. Для новой культуры нужна «октябрьская метла» — основной тезис всех высказываний Маяковского. Отдельные критические замечания Маяковского (о кубизме, конструктивизме и т. д.) представляют большой интерес для выяснения отношения Маяковского к этим вопросам в те годы. В переработанном виде Маяковский предполагал выпустить эти два очерка отдельным изданием под названием «Смотр французского искусства 1922 г.»; впервые в новой редакции эти очерки появились в книге «Владимир Маяковский» (Изоглиз, 1932 г.).

Забытыми остались из прозы позднейших лет две статьи Маяковского — «Наружность Варшавы» («Рабочая Газета» 1927, № 141) и «Немного о чехе» («Рабочая Москва» 1927, № 127) — впечатления от поездки в Польшу и Чехию. Обе эти статьи по своему характеру и манере близки, главным образом, к напечатанной статье «Поверх Варшавы» (1927 г.).

Из прозаического наследия следует также отметить напечатанный только в «Красной Нови» (1922, № 2) некролог «В. В. Хлебников», дающий ценный материал как для понимания Хлебникова, так и для самого Маяковского.

Мы коснулись далеко не всех произведений Маяковского, не вошедших в собрание его сочинений. Перечень их можно было бы во много раз умножить. Наша цель была остановиться на наиболее характерных и типичных из забытого наследия пореволюционного Маяковского.

А. Поляк и Н. Реформатская